

Macedonians. So, on Alexander Sarcophagus the king (shown in a battle scene) is wearing an Iranian chiton with tight sleeves and an Iranian-style cloak. Similarly dressed, a Macedonian sometimes identified as Hephaestion is shown in a Beotian helmet. In a painting from the Kinch Tomb, a Macedonian horseman is wearing an Iranian-style chiton. According to writers of the Vulgate tradition, Alexander persuaded his Companions (hetairoi) to wear Iranian dress. It included the kandys cloaks and double chitons seen worn by all Macedonian riders, i.e., hetairoi, shown on Alexander Sarcophagus.

Key words: Alexander, Iranian culture, reforms in Parthia, Macedonians, the Iranians

© 2015

С. В. Новиков, А. С. Анохин

ВОСТОЧНЫЕ КАМПАНИИ АНТИОХА IV ЭПИФАНА (165–164 гг. до н. э.): ПРЕРВАННЫЙ ВЕЛИКИЙ ПОХОД?

Статья посвящена анализу комплекса источников, связанных с восточной экспедицией Антиоха IV (165—164 гг. до н.э.). Авторы приходят к выводу, что поход, как ранее подобные мероприятия Селевка II и Антиоха III, был призван укрепить позиции державы в удаленном регионе Средней Азии (в Парфии), однако из-за смерти царя оказался прерван еще на начальном этапе. В ходе работы также были выявлены новые детали одного из самых ярких эпизодов экспедиции — неудачной попытки ограбления храма Артемиды-Нанайи в Сузах.

Ключевые слова: Селевкиды, Антиох IV, Селевк II, Средняя Азия, Парфия, Артемиды-Нанайя, Сузы

Держава Селевкидов являлась, без преувеличения, одним из ведущих политических образований эпохи эллинизма и одним из крупнейших, поскольку она собрала под единой властью грекоязычного монарха протяженные переднеазиатские, иранские и среднеазиатские владения. Необходимость управления этими многочисленными и обширными владениями определила глубокое своеобразие державы Селевкидов как единого политического организма. Эллинистическая история многих этих регионов из-за скудости данных подчас известна нам крайне плохо. О событиях в западных областях державы, равно как и о взаимоотношениях Селевкидов с западными соседями мы осведомлены гораздо лучше, чем о том, что происходило в восточных областях и контактах династии с восточными соседями. Отчасти причина в том, что сами цари значительное внимание уделяли именно западному направлению, которое и требовало от них практически постоянного сосредоточения средств и пристального внимания. Однако главная сложность состоит в скудости источниковой базы.

Новиков Сергей Викторович — кандидат исторических наук доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: s.novikov215@yandex.ru

Анохин Артем Сергеевич — кандидат исторических наук, преподаватель древнегреческого языка Общедоступного Православного университета, основанного прот. Александром Менем. E-mail: forgo@ya.ru

Несмотря на это, исследовательская работа по изучению восточной политики Селевкидов ведется достаточно активно. Выходят работы, внимание которых сфокусировано на восточном направлении политики державы¹. Значительные успехи достигнуты в изучении отдельных аспектов эллинистической истории Ирана, Средней и Центральной Азии². Большой вклад в этом деле принадлежит уважаемому юбиляру, посвятившему много времени исследованию градостроительной политики Александра Великого и Селевкидов в восточных сатрапиях³, а также становлению такого важного атрибута государственности, как монетная чеканка — в соседней с Селевкидами Парфии⁴.

Вместе с тем многие вопросы все еще далеки от своего решения. Это касается, например, целого ряда аспектов т.н. восточных походов селевкидских царей. Уровень интеграции протяженных владений державы был невысок, их целостность была невозможна без пристального внимания центральной власти и к востоку, а желательно — и личного присутствия здесь монарха. Сразу несколько царей запомнились своими походами на восточные рубежи державы. Самой грандиозной и широко известной еще с древности стала восточная экспедиция Антиоха III в 212-203 гг. до н.э., однако подобные походы, пусть и не столь масштабные и успешные, совершались и до (при Селевке II), и после (при Антиохе IV), особое значение приобрели во время селевкидо-парфянского противостояния (при Деметрии I (141-140 гг. до н.э.) и Антиохе VII (129 г. до н.э.)). В данной статье мы хотели бы более подробно остановиться на одном из этих эпизодов — походе Антиоха IV Эпифана и последних достижениях его историографии.

Положение на восточных границах во время правления Антиоха IV

При Антиохе IV на востоке Селевкиды контролировали Мидию (современный «треугольник» городов Тегеран, Исфахан, Хамадан), Сузиану (равнинная и предгорная часть юго-западного Ирана), возможно, и часть Персиды. В первые десятилетия II в. до н.э. селевкидский контроль мог распространяться и на некоторые опорные пункты восточнее границ Мидии (к востоку от т.н. Каспийских ворот — узкого прохода, где между пустыней Деште-Кевир и хребтом Эльбурс теснилась дорога, соединяющая Мидию с Парфией). Данные нумизматики позволяют выделить при Селевке IV и Антиохе IV серебряную чеканку некоего восточного монетного двора помимо Экбатан: тетрадрахмы с литерами «ЭАР» на оборотной стороне (SC. II. 1360-1362 (а также 1363-1364); 1558(?)-1559)⁵. Не исключено, что этот двор располагался в Гиркании⁶.

¹ Wolski 1999.

² Фрай 1962, 177-254 (Frye 1983, 137-204); Wiesehöfer 1987.

³ Кошеленко 1979.

⁴ Кошеленко 1971, 212-218, 343; 1972, 79-102; 2006, 95-105; 2008, 138-140.

⁵ Северная Мидия или Гиркания: Houghton, Lorber, Kritt 2002/1, 455; 2008/1, 32-33; 121-123; ранее см.: Le Rider 1965, 330 (многие из монет отнесены еще к чекану Экбатан). На основе такого специфического и редкого для селевкидской нумизматики материала, как свинцовые монеты, копирующие серебряные тетрадрахмы (SC.I. 1282) не так давно была сделана попытка «продлить» власть Селевкидов даже над Нисой (т.е. в самой Парфии) до времени Антиоха III, а учитывая успешный поход Антиоха III, — и до поражения Селевкидов в 189 г. до н.э. (Балахванцев 2003, 172-191).

⁶ Ср.: статистика, подмеченная еще О. Мørkholmом, — один монетный двор на сатрапию (Mørkholm 1970, 31-45).

Территория Селевкидского государства начала сокращаться на востоке еще в III в. до н. э.: первыми серьезными потерями стали Греко-Бактрия (северный Афганистан) и Парфия с Гирканией (северо-восточный Иран) по причине расстояний и прежде слабо контролируемые из Сирии⁷. С конца III в. до н. э. (восточного похода Антиоха III) события на восточных рубежах государства Селевкидов развиваются стремительно и угрожающе для династии, однако даже в 160-е гг. до н. э. практически никак напрямую не задевают селевкидских владений. Непосредственные восточные соседи Селевкидов — парфяне — в это время больше заняты тем, что происходит на их собственных восточных рубежах — в Греко-Бактрийском царстве. Последнее, испытывая давление со стороны кочевников «великой степи» (ср.: Polyb. 11. 34), на рубеже III-II вв. до н. э. начинает массивную экспансию на юг, в Гандхару (при Деметрии I и Антимахе I)⁸. Около 171 г. до н.э. в тылу у этого наступления, в самой Бактрии, к власти приходит новый правитель — Эвкратид⁹. Царство раскалывается надвое, последовавшие затем междоусобицы ослабили его (Just. 41.6.3), чем воспользовались парфяне. В 160-х гг. до н.э. началась война между Эвкратидом и царем парфян Митридатом I (171–138/7 гг. до н.э.), в результате которой бактрийцы вынуждены были уступить часть своих западных территорий — провинции Траксиану (Аспион) и Тапурию (Туриву) (Just. 41.6.3; Strabo 11.11.2)¹⁰. И лишь спустя непродолжительное время после этого парфяне — и это был решающий для Селевкидов момент — разворачивают экспансию в западном направлении.

В то же время данные некоторых наших источников позволяют заключить, что еще предшественник и брат Митридата I, Фраат I (176–171 гг. до н.э.), предпринял попытку укрепиться в районе Каспийских ворот¹¹. Исидор Харакский (Стоянки. 7) и Юстин (41.5.9) утверждают, что царь поселил в районе современного Тегерана (у Харакса, что рядом с Рагами, т.е. уже к западу от прохода)¹² побежденное им племя мардов (амардов), которые до этого жили в восточных отрогах хребта Эльбурса (в Гиркании). Впрочем, само переселение производит впечатление локальной акции и едва ли имело далеко идущие последствия. Если мы примем, что отдельные опорные пункты Селевкидов могли существовать в это время в Гиркании, ясно, что основные дороги — включая путь через Каспийские ворота — должна была еще контролировать селевкидская администрация.

Какое участие центральная власть Селевкидского государства принимала в дипломатической жизни региона в это время, мы лишены возможности знать. Давняя красивая и стройная гипотеза В. В. Тарна о союзе между Селевкидами и

⁷ См., например: Wolski 1999, 29-56.

⁸ Фрай 1962, 230-231; Гаилов, Кошеленко, Сердитых 1992, 16-17.

⁹ Nagain 1958, 53.

¹⁰ О локализации см.: Tarn 1930, 122-126.

¹¹ Так, например: Bevan 1902, 80; Бокщанин 1960, 238; Фрай 1962, 247. О Каспийских воротах см.: Пьянков 1997, 10.

¹² Аммиан Марцеллин (23.6.43) помещает Харакс в Парфии, а не в Мидии, т.е. точно по «восточную» сторону от прохода. Это поздняя традиция, склонная продвигать границы Парфии на запад. Эту практику можно отметить уже у Страбона, который говорит о неких землях около Каспийских ворот, «ранее принадлежавших Мидии» (11.9.1). Арабскому географу XIII в. Якуту в 12 фарсангах от Рея (древние Раги) известны развалины города Āgâzî, который он считал «древним городом Рея» (Tomaschek 1899, 2122). Этот город, возможно, и являлся древним Хараксом (Кошеленко 1979, 125). Руины самого Рея располагаются в 9 км северо-восточнее современного Тегерана.

Эвкратидом много раз подвергалась критике — нумизматические и династические доводы исследователя в результате позднейших исследований признаны ненадежными¹³. Несмотря на то что расстановка сил в регионе в целом способствовала такому союзу, следует признать, что ни Селевк IV, ни Антиох IV в первые годы своего правления, скорее, ничего не сделали в этом направлении — вследствие отсутствия интереса к региону или невозможности предпринять подобные серьезные шаги.

Не ясны границы селевкидского влияния в это время и в Персии. Еще в конце III в. до н.э. здесь существовала греческая администрация, однако последнее датируемое упоминание о ней относится к ранним годам правления Антиоха III¹⁴. В любом случае о подчинении области династии можно говорить только с оговоркой. При Селевкидах и Аршакидах в области известен автономный серебряный чекан — монеты с титулом **frataraka*. Их абсолютная хронология до конца не ясна¹⁵, но находки этих монет позволяют заключить, что выпускавшие их власти надежно обосновались в районе Персеполя, в то время как центром селевкидской Персиды стали Пасаргады. И надо полагать, между правителями и провинциальной администрацией Селевкидов существовало нечто вроде соглашения о разделе сфер влияния¹⁶. И легко представить себе, как эта устойчивая форма местного самоуправления с ослаблением центральной власти стремится расширить свое влияние. Сравнительно недавно было сделано предположение, что эпоха «безымянных» **frataraka* (в то время как большинство подобных монетных выпусков все же содержат имя эмитента) связана как раз с преобразованиями Антиоха IV¹⁷.

По другую сторону Загра — в Сузиане — ситуация развивалась иначе. Поддерживать дееспособное управление династии здесь удавалось сравнительно долго. Однако после Антиоха IV ослабление контроля быстро привело к активизации воинственных племен Бахтиарских гор — элимеев, и ранее лишь номинально признававших власть Селевкидов, хотя и служивших в их армии. Царь элимеев Камнискир I ок. 147 г. до н.э. занял Сузы¹⁸.

Впрочем, сложности с Элимаидой начались на четыре десятилетия раньше,

¹³ Tarn 1951, 196-205; основу доказательств составил избранный Эвкратидом монетный тип профиль царя легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΣ / мужской и женский профили, легенда: ΕΥΚΡΑΤΙΔΗΣ ΗΛΙΟΥΚΛΕΟΥΣ ΚΑΙ ΛΑΟΔΙΚΗΣ (Вор. 15-17). Эту Лаодику исследователь посчитал селевкидской принцессой. Возражения см.: Narain 1958, 54; Mørkholm 1966, 166. Не так давно была предпринята новая попытка связать эту Лаодику с династией Селевкидов, отождествив ее с дочерью Антиоха III и предположив, что именно она была выдана замуж за Деметрия I (Hollis 1996, 161-164). Но даже в этом случае у нас нет оснований видеть особую связь между Эвкратидом (ее сыном) и Селевкидами (см.: Mittag 2006, 325-326), однако это может свидетельствовать о внутригосударственной дипломатии Деметрия и Эвкратида (von Sallet 1879, 28-29, правда, при маловероятном допущении, что Гелиокл был не отцом, а сыном Эвкратида).

¹⁴ Will 1982, 64.

¹⁵ Подробное обсуждение см.: Wiesehöfer 1987, 115-129. Имя одного из **frataraka* — whwbrz — может быть отождествлено с Оборзом (Ὀβόρζος) из текста «Стратегем» Полиэна (7.40). Terminus post quem — 281 г. до н.э. (Newell 1938, 161 (опирается на клад IGCH. 1797 (Персеполь); издатели клада датируют его сокрытие ок. 250 г. до н.э.). Иные датировки: 220 г. до н.э. (Фрай 1962, 280-281); III в. до н.э. (Afram 1986, 162-163); около 187 г. до н.э. (Stiel 1959, 379).

¹⁶ Frye 1983, 166. Находки монет строго локализованы. Они обнаруживаются в Персеполе, но не встречаются в соседних (50 км к северо-востоку) Пасаргадах и несколько более отдаленных Сузах.

¹⁷ Koch 1988, 94.

¹⁸ Le Rider 1969, 18-22.

и спровоцировали их сами Селевкиды. В 187 г. до н. э. Антиох III погиб, стремясь заполучить казну располагавшегося здесь храма Бела, по другой версии, Зевса (Мардука?) (Diod. 28.3; 29.15; Strabo 16.1.18)¹⁹. Нельзя исключать, что главной целью царя было добиться политического подчинения элимеев, которые могли воспринять весть о поражении Антиоха III в войне с Римом как сигнал к борьбе за собственную независимость²⁰. Однако неоспоримо, что Антиоха III волновал прежде всего вопрос пополнения казны. Античные источники подчеркивают колоссальный размер контрибуции, которую Селевкидам предстояло выплачивать Риму²¹. У царя не было поводов усомниться в лояльности элимеев: среди прочих народов они сражались за него в битве при Магнезии (Liv. 37.37.8; 14). Наконец, показательно и само место действия — недалеко от Суз, одной из столиц Ахеменидов. По всей видимости, царь намеревался предъявить свои права на серебро, некогда принадлежавшее персидской династии, как более чем за 20 лет до этого поступил в другой ахеменидской столице — Экбатанах (Polyb. 10.27.1-3)²².

Следует упомянуть и еще один феномен, с которым Селевкидам приходилось считаться: традиционно одной из проблем династии были попытки узурпации власти, исходившие от военно-территориальной администрации державы. Наместники (как на восточных, так и на западных окраинах державы) всегда живо реагировали на слабину, в тот или иной момент проявленную центром. На востоке хорошо известны мятежи наместников над «верхними» сатрапиями (Молона — при Антиохе III, Тимарха — при Деметрии I). В первой трети I в. до н. э., однако, Селевкидам подобных выступлений удалось избежать, даже несмотря на жестокое поражение в войне с Римом. На этот ответственный пост стремились назначить проверенного или крайне привязанного к царю человека. При Селевке IV таким человеком стал алабандиец Менедем, много лет (и не исключено, что бок о бок с Селевком) служивший при отце Филопатора Антиохе III²³; при Антиохе IV — милетец Тимарх, который вместе со своим братом Гераклидом (министром финансов при Антиохе IV) был тесно связан с царем²⁴. Однако еще важнее то обстоятельство, что и Селевк IV, и тем более Антиох IV не позволяли усомниться, что в любой момент могут беспрепятственно выступить против мятежа на востоке²⁵. Таким в целом был фон для начала восточной экспедиции Эпифана.

¹⁹ Potts 1999, 382.

²⁰ Mørkholm 1966, 29. Военный характер этой экспедиции подчеркивает еврейская традиция (Дан.11:19).

²¹ См., например: Just. 32.2.1; ср.: высказывание Фламинина о будущей контрибуции в отношении Филиппа V (Liv. 33.12.13).

²² Бикерман 1985, 113. Заметим, что еще ранее свои запасы драгоценных металлов здесь же пополняли Селевк I и Антигон Одноглазый (Polyb. 10.27).

²³ О Менедеме см., например: Robert 1967, 281-297. От 193 г. до н.э. известна его переписка в качестве сатрапа Мидии, несколько позднее (ок.182/1(?) г. до н.э.) он был в ранге наместника над верхними сатрапиями (ИКЕО. 279).

²⁴ Булевертий, построенный на их деньги у себя на родине, был посвящен Эпифану (I. Miletos. 79. 1-2; 80. 1-2; Mittag 2006, 64-65). Тимарх, по крайней мере формально, оставался верным и признавал над собой власть малолетнего царя Антиоха V, сына Эпифана. Мятеж был им поднят только против убийцы последнего — Деметрия I. После гибели Тимарха его брат поддерживал тесный контакт с семьей Антиоха IV — его вдовой Лаодикой, приложил усилия для того, чтобы другого сына Эпифана (самозваного или настоящего), Александра, признали в качестве законного претендента на сирийский престол римляне. См.: Savalli-Lestrade 1998, 63-64 (№62), 76 (№76); Mittag 2006, 65.

²⁵ Для этого достаточно было обладать устойчивыми внешнеполитическими позициями на западе. Селевк IV был защищен договором с Римом, в соответствии с которым по большей части

Маршрут и хронология похода

Согласно 1 Макк. (3:37), поход Антиоха IV на восток начался в 147 году Селевкидской эры (по македонскому календарю — с октября 166 по сентябрь 165 г. до н. э.). Достаточно надежные хронологические данные Порфирия Тирского, сохранившиеся у Евсевия, позволяют уточнить сроки. Очевидно, незадолго перед выступлением Эпифан назначил своего 12-летнего сына, Антиоха Эвпатора, своим соправителем. Период совместного правления, согласно Порфирию, длился один год и шесть месяцев (Euseb. Chron. 254 (Schoene) = FGrH. 260. Fr. 32. 13). Откладывая это время от момента смерти Антиоха IV в ноябре 164 г. до н.э. (см. ниже), получаем, что Антиох V стал соправителем отца в конце весны — начале лета 165 г. до н.э.: это и есть время начала восточной экспедиции²⁶.

Столь позднее начало кампании отчасти должно объясняться суровостью климата в Великой Армении, куда вначале направлялся царь²⁷. Кроме того, тронуться в путь Антиох IV мог только после того, как принял в столице римское посольство Тиберия Гракха (Polyb. 31.5). Гракху надлежало выяснить, лоялен ли сирийский царь Риму, и тот сумел добиться расположения посланника. Незадолго до этого Эпифан устроил грандиозную демонстрацию своей мощи — праздника неподалеку от столицы, в Дафне, включавшие и военный парад и призванные символизировать успехи Эпифана в двух Египетских военных кампаниях (170-169 и 169 г. до н. э.)²⁸. Пусть эта война (получившая в историографии название VI Сирийской) завершилась тем, что под давлением римлян Антиох IV вынужден был на условиях сохранения *status quo* удалиться из Египта, — царь избавился от прямых военных и дипломатических угроз на западе. Уладив все дела с Тиберием, Эпифан был готов выступить с войском на восток.

Эдесса (Шанлыурф) и Нисибис (Нусайбин). Ниже мы увидим, что первым пунктом назначения похода была Армения. Прямой и наиболее короткий путь в эту область, если идти из Антиохии, лежал через современные Газиантеп, Шанлыурф и Диярбакыр²⁹. Дальнейший путь Антиоха IV шел из Армении шел на юг и лежал через современный Нусайбин (древний Нисибис), который служил перева-

---

исправно выплачивал победителям контрибуцию. Но даже при этих огромных суммах царь имел возможность собрать армию и действовать. Атаковать Филопатора планировал, но так и не решился Птолемей V, к тому же в 181 г. до н. э. скоропостижно скончавшийся. Антиох IV поддерживал дружественные отношения как с Римом и его главным региональным союзником Пергамом, так и со всем восточным греческим миром.

²⁶ Goldstein 1976, 251. На текст Иосифа Флавия (Ant. 12.7.2 (293)), позволяющий, на первый взгляд, заключить, что поход начался весной, в действительности полагаться нельзя: историк пользовался текстом 1 Макк., в котором это уточнение отсутствует, и остается неясным, использовал ли Флавий еще один источник (что маловероятно) или дописал это место сам, исходя из знакомой ему военной практики (Bar-Kochva 1989, 467)

²⁷ Ср.: Gera, Horowitz 1997, 245.

²⁸ Празднество не имеет четкой датировки. По наиболее устоявшейся точке зрения: осенью 166 г. до н. э. (Mørkholm 1966, 100; Bunge 1976, 53-71; Préaux 1978, 170; Mittag 2006, 282-283). Дата 169 г. до н.э. (Geller 1991, 1-4) подверглась мощной критике (van der Spek 1993, 100; Gera, Horowitz 1997, 240-243, 248). См., также: Sherwin-White, Kuhrt 1993, 220 (не могут решить между 166 и 165 г. до н.э.), Bar-Kochva 1989, 466-473 (лето 165 г. до н.э.).

²⁹ Ср.: Gera, Horowitz 1997, 247. not. 49.

лочной базой и опорным пунктом для селевкидских восточных кампаний³⁰. Сведений о пребывании Антиоха IV в окрестностях Газиантепа нет, о Диярбакыре речь подробнее пойдет ниже, здесь же следует подробнее остановиться на данных из Эдессы и Нисибиса. В обоих городах при Антиохе IV известно примечательное нумизматическое явление, характерное в основном для городов западной части державы, — выпуск автономных бронзовых монет с портретом царя на лицевой стороне. Бронза Нисибиса к тому же содержит указатели номиналов (АХ, ВХ, ДХ — 1, 2, 4 халка соответственно)³¹. Не исключено, что чеканка начинается с посещения города царем, хотя большинство других городов получают эту привилегию раньше — в 169 г. до н. э.³²

На автономных монетах Эдесса фигурирует как Антиохия-на-Каллирое, а Нисибис — как Антиохия-в-Мигдонии. В историографии обсуждался вопрос, возможно ли, что именно Эпифан дал этим и целому ряду других городов полисный статус и династийные имена³³. Данных, которые позволили бы проверить это предположение для Эдессы, нет. Но Нисибис свое династийное имя получил раньше³⁴. Под Антиохии его упоминает Полибий, описывая действия Антиоха III против Молона (5.51.1). Историк в этом месте должен был пользоваться каким-то официальным селевкидским источником, практически современным описываемым событиям³⁵. Если так, то в тексте фигурирует название города, каким оно было уже в конце III в. до н.э., и это имя — Антиохия.

Армения. Поход в Армению кратко упомянут в сохранившихся выдержках из текста Диодора (31.17а), исходя из которых точно датирован быть не может. Ясность помогают внести вавилонские астрономические дневники. Поврежденный текст от октября 165 г. до н. э. упоминает «город Хабигальбата (Ханигальбата)» в «Армилле (?)», что со времен Новоассирийской державы локализуется в Великой Армении. В следующей записи фигурирует имя Антиоха (AD II. -164, B 15'; C 13'-14')³⁶. Очевидно, речь идет о моменте, когда экспедиция уже закончилась или приближалась к завершению, т.о., датировать ее следует весной-летом 165 г. до н. э.

Поход был направлен против царя Армении Артаксия (Арташеса)³⁷. После поражения Антиоха III в войне с римлянами область обрела фактическую неза-

³⁰ Так, известно, что Антиох III с войском пробыли здесь на зимовке время от зимнего солнцестояния до начала февраля (Polyb.5.51.1).

³¹ Эдесса: SC. II. 1499-1501; Нисибис: SC. II. 1502-1504; о показателях номиналов: Le Rider 1994, 19-34.

³² См., например: Bunge 1975, 185-186.

³³ Tschirikower 1927, 116; 126-128; 145; критика: Mørkholm 1966, 116-118; Mittag 2006, 203-208.

³⁴ В середине 60-х гг. II в. до н.э. город официально называется Антиохией-в-Мигдонии. Гражданин этого полиса упомянут как победитель на Панафинейх. Лист датируется приблизительно 166/5 гг. до н.э.: Tracy, Nabicht 1991, 187-236, col. II. I. 24-25.

³⁵ Вся история с мятежом Молона дана чрезвычайно детально и подробно. Первоисточник Полибия настолько близок к придворным кругам, что в повествовании четко просматривается, например, враждебность по отношению к одним приближенным царя и благоволение — к другим (ср.: Var-Kochva 1976, 117-123).

³⁶ Gera, Horowitz 1997, 243 (not. 22); 244-246. Впрочем, сохранность текста оправданно становится основанием для критики любых утверждений основанных на нем: Mittag 2006, 296-297, Anm.1.

³⁷ Армения с III в. до н.э. разделена была на две части: собственно Великая Армения, а также Софена с Коммагеной (см., например: Strabo. 11.14.5). См.: Дьяконов, Якобсон, Янковская 2002,

висимость от Селевкидов (Strabo 11.14.5)³⁸. Как далеко селевкидские войска продвинулись вглубь владений Артаксия, неизвестно. Когда в свое время Антиох III вел кампанию против правителя Софены (т.н. Малой Армении) Ксеркса, он стремился захватить его столицу и тем самым не позволил ему скрыться и «отсидеться». Но в Великой Армении городских центров того времени немного³⁹. Один из них — Арташат (Артаксата, Артаксиасата), город, который был выстроен Артаксием в среднем течении Аракса⁴⁰, — как столицу Артаксия выделяет в своем сообщении и Диодор (31.17a). Чтобы добраться до него, противнику предстояло преодолеть неблизкий путь по гористой, лишенной городов местности.

Мы не знаем, планировал ли Эпифан подобный поход: все пункты, которые могут быть связаны с его армянской экспедицией, находятся много юго-западнее и лежат в пределах Малой Армении (Софены) — на древней персидской царской дороге, ведущей из Суз в Сарды. Так, известно, что царь стоял лагерем у местечка Ападна (Porph. FGH. Па. 87. F.56)⁴¹, а также, что он основал или укрепил на берегу Тигра опорный пункт⁴². Наличие селевкидской крепости должно было укрепить контроль династии в регионе, однако это далеко не означает, что Артаксий поспешил явиться с данью для Эпифана на границы своего царства⁴³. Впрочем, спустя 4 года контакты между наместником «верхних сатрапий» Тимархом и Артаксием оказались вполне налаженными (Diod.31.27a), поэтому стоит полагать, что кампания достигла основной цели.

Состоялся ли поход к Персидскому заливу? Упомянутый выше вавилонский астрономический дневник в строке, следующей за упоминанием царя Антиоха, как кажется, содержит слово «море». Значит ли это, что после Армении царь через Месопотамию и Вавилонию направился в епархию Эритрейского моря (к Персидскому заливу)⁴⁴? Обратимся к другим возможным свидетельствам. Три фрагмента «Естественной истории» Плиния сообщают об активности некоего царя Антиоха в этом регионе:

VI.139: Александрия (будущий Спасину-Харакс) восстановлена после наводнения Антиохом «пятым царем» и названа в его честь Антиохийей;

VI.147: побережье Персидского залива было впервые исследовано для Эпифана;

535-536. Артаксий был правителем Великой Армении (Polyb. 15.2.12: «правитель большей части Армении»; ср.: Strabo. 11.14.5, 15).

³⁸ Дьяконов, Якобсон, Янковская 2002, 536.

³⁹ Страбону (11.14.6) известны всего два. См. также: Тирацян 1985, 60-62.

⁴⁰ Тирацян 1985, 61.

⁴¹ Chaumont 1993, 435.

⁴² См.: Tscherikower 1927, 82; 176. В античной традиции сохранилось упоминание о городе с названием Эпифания (по-другому Аркесикерт, у Птолемея — Артагигарта (5.10.12)) на берегу Тигра (Steph. Byz. s.v. Ἐπιφανία). Возможно, речь идет о современном Диярбакыре, где персидская царская дорога некогда пересекала Тигр (Chaumont 1993, 435-436). Иногда его отождествляют с упомянутой у Страбона (11.14.2) столицей Софены Каркафиокертой (Streck 1903, 137). Оснований, кроме схожести имен, для такого отождествления нет.

⁴³ Подать с Армении Селевкиды взимали серебром и конями, которыми так славилась область (Strabo 11.13.7; 11.14.9). Ср.: Polyb. 8.25 (Антиох III получил от правителя соседней Софены 300 талантов серебра, 1000 лошадей и столько же мулов).

⁴⁴ Так: Gera, Horowitz 1997, 243 (not.22); 244-246.

VI.152: Нумений, стратег царя Антиоха в Мезене, одержал в один день две победы над персами: морскую (недалеко от побережья Кармании) и сухопутную.

Как видим, лишь второе из них прямо упоминает Антиоха IV Эпифана, но в той форме, как оно представлено, оно неверно, поскольку исследовательская активность греков в Персидском заливе известна при Александре Великом⁴⁵. Назначение нового стратега (Нумения) и восстановление Александрии, столицы епархии на Эритрейском море, — скорее всего, взаимосвязанные события⁴⁶. «Пятым царем» в сообщении о восстановлении Александрии-на-Тигре (Харакс) после наводнения может оказаться и Антиох III, и Антиох IV⁴⁷. Эпизод с двойной победой Нумения над персами также может быть отнесен к Антиоху IV⁴⁸, но в равной степени к Антиоху I⁴⁹, Антиоху III⁵⁰ или Антиоху VII⁵¹. При Эпифане монетный двор, расположенный в Александрии/Антиохии, начинает выпуск серебряных тетрадрахм (SC II. 1524-1525). Эмиссии продолжаются и при последующих царях (вплоть до Деметрия II)⁵². Выпуск дорогой монеты, действительно, указывает на крупные государственные траты, связанные, возможно, с борьбой против пиратства. Однако нет оснований привязывать начало этих выпусков к личному присутствию Эпифана в городе, тем более что при Антиохе III город уже выпускал монету, хотя и бронзовую⁵³. Т.о., у нас нет надежных данных для подтверждения гипотезы о походе Антиоха IV к Персидскому заливу. К тому же широкая активность, которую гипотетически можно было приписать в регионе Эпифану, потребовала бы сравнительно много времени, а всю кампанию 165 г. до н. э. сделала бы чрезмерно насыщенной⁵⁴.

Экбатаны. Следующей достоверно известной точкой маршрута Антиоха IV стали Экбатаны (Хамадан) — главный город в системе контроля над провинциями к востоку от гор Загра. Здесь сходились две важнейшие дороги для региона: с юга, из Персии, и с востока, из Парфии. В это время город получает династийное имя и зовется Эпифанией (*Steph. Byz. s.v. Ἐκβατάνα*; Plin. HN.5.86). На серебряных драхмах, чеканенных здесь, появляется расширенная легенда: Βασιλέως Ἀντιόχου Θεοῦ (SC. II. 1539; 1541-1542; 1547). Бросается в глаза при этом, что полная ле-

⁴⁵ Roueché, Sherwin-White 1985, 9, not.21 (предполагают даже, что это сообщение дублирует сообщение о походе Антиоха III).

⁴⁶ Ср.: Stiel 1959, 377.

⁴⁷ См.: Tarn 1951, 185; Bellinger 1942, 55, not.1.

⁴⁸ Обсуждение и литературу см: Potts 1991/2, 12-13. К мнению, что эпизод относится ко времени после 175 г. до н.э., скорее всего — к правлению Антиоха IV, присоединяется, в частности, и Й. Визехофер (Wiesehöfer 1994, 122; 128).

⁴⁹ Roueché, Sherwin-White 1985, 9.

⁵⁰ Впрочем, как отмечалось в историографии, Полибий не сохранил ни единого указания на действия этого царя против персов в Персидском заливе (Will 1982, 64; ср.: Altheim 1948, Bd. 2, 46).

⁵¹ Altheim 1948, Bd. 2, 46

⁵² Le Rider 1965a, 36-43; Mørkholm 1970, 31-44.

⁵³ Schuol 2000, 217; 266-267; Potts 1999/2, 18-19. При Антиохе III здесь известен бронзовый монетный чекан. Mørkholm 1970, 31-45; 1979, 219-236. Локализация этих бронзовых выпусков не в Александрии, а в небольшой селевкидской военной колонии на о. Икар (Файлака), как это делают издатели последнего каталога селевкидских монет (SC I.1147-1152), кажется не вполне оправданной.

⁵⁴ Расчеты, произведенные для демонстрации того, что вместить две кампании — в Армении и в Персидском заливе — возможно (Gera, Horowitz 1997, 247), одновременно не позволяют ни малейшего отступления от этого очень насыщенного графика.

генда Βασιλέως Ἀντιόχου Θεοῦ Ἐπιφανοῦς содержится лишь на очень небольшом числе экземпляров (SC.Π.1549). Не исключено, что монетарии посчитали излишним добавлять слово Ἐπιφανής в легенду на монете, поскольку оно упоминалось уже в новом названии города — Эпифания. Надо полагать, что дела в городе царь приводил в порядок в течение какого-то времени; не исключено, что здесь он зазимовал вместе с войском.

Персида. О кампании Антиоха IV в Персиде и Элимаиде сообщают уже наши наиболее ранние тексты: Полибий и первоисточник 1 и 2 Макк. Однако ничего о ходе этой кампании мы не знаем. Какие цели мог преследовать царь? Очевидно, одной из главных задач экспедиции была борьба против центробежных тенденций, которые обнаруживала локальная государственность⁵⁵.

Элимаида. Эпифан так же, как и его отец, тоже запомнился попыткой ограбить казну одного храмов юго-западного Ирана. Греческая и еврейская традиции помещают это святилище в Элимаиде, как и храм Бела, на казну которого покушался Антиох III. В обеих историях сходятся место, неудачный результат попытки и даже смерть царя, ставшая (сразу же или некоторое время погодя) наказанием за святотатство. В науке высказывалось мнение, что один из эпизодов — с участием Антиоха III или Антиоха IV — мог стать результатом дубликации другого⁵⁶. Однако эта точка зрения не получила широкого признания⁵⁷. Действительно, заметим, что место — неподалеку от древней резиденции Ахеменидов, где в храмах и дворцах могло остаться принадлежавшее еще персидской династии серебро, — было выбрано царями не случайно. Равно как нет ничего удивительного в стремлении местных институтов отстоять казну своего храма от покушений центральной власти⁵⁸.

Габы (Исфахан). Последняя известная точка восточного похода Антиоха IV — город Табы (Габы, совр. Исфахан), располагавшийся на дороге из Персеполя в Экбатаны, — место смерти царя (Polyb. 31.11. (9).3; FGH. 260. F.56)⁵⁹. В Вавилонию известие об этом событии пришло в ноябре — декабре 164 г. до н.э. (Austin.158)⁶⁰. Надо полагать, несколькими днями позже эта весть достигла столицы, Антиохиин-Оронте, а оттуда быстро распространилась по Сирии, Келесирии и Финикии (в Иудее ее узнали в декабре). В декабре 164 — январе 163 гг. до н.э. тело Эпифана было привезено в Вавилон (AD. III. -164. 18. C₂ 17–18).

Попытка ограбления храма Артемиды

Самый ранний пласт сведений о попытке ограбления храма может быть легко выделен, он практически идентичен как для античной греко-римской, так и для

⁵⁵ Mittag 2006, 310-315.

⁵⁶ Bouché-Leclercq 1913-1914/1, 295-298; см. также: Bartlett 1973, 82; Green 1990, 512.

⁵⁷ Holleaux 1942, 255—279; Mørkholm 1966, 170-173.

⁵⁸ Вопрос о деньгах, впрочем, напрямую был связан с вопросом о лояльности местного населения, как это снова подчеркнул недавно Й. Визехофер (Wiesehöfer 2002, 115-118). Хотя его утверждение, что царь законно (в рамках сложившихся у подданных представлений об эллинистической царской власти) мог требовать казну храма, все же излишне ригористично (ср.: Mittag 2006, 308. Anm. 44).

⁵⁹ Weissbach 1910, 411; 1932, 1841.

⁶⁰ Sachs, Wiseman 1954, 202-211.

еврейской традиции. Сообщение о попытке ограбления здесь всегда сопутствует здесь истории о смерти царя, последовавшей немногим позднее. В античной традиции оба этих события связываются напрямую. Так, Полибий заявляет, что, по мнению некоторых, причиной скоропостижной и необъяснимой болезни и смерти Эпифана стал гнев богини за его нечестивый поступок (31.11. (9).3). Атака святилища и смерть царя взаимосвязаны и в пророчестве Даниила (11:45).

Совместное упоминание обоих событий вкупе с принципиальным отсутствием точных указаний на причины смерти царя позволили автору первоисточника 1 и 2 Макк. творчески обработать сюжет и сделать органичную вставку между сюжетами, в которой тоже фигурирует поруганный храм, но уже Иерусалимский. Царю сообщают, что иудеи ослушались и восстановили храм от скверны (т.е. нововведений реформатора культа, лояльного царю первосвященника Менелая). Эпифан расстраивается и заболевает, чувствует мощь Господа, пишет евреям покаянное письмо, которое, однако, не спасает его от Божьего гнева, и он умирает (1 Макк. 61-16; 2 Макк. 9:1-29). Характерно, что впоследствии попытка ограбления и сообщение о смерти царя могли окончательно сливаться в одно событие — Антиох IV гибнет во время попытки ограбления (2 Макк. 1:13-16).

О каком храме идет речь? Наиболее ранний и достоверный наш источник, Полибий, называет его святилищем Артемиды (31.11.(9).3). Один из источников 2 Макк. говорит о Нанайе — божестве, хорошо известном на протяжении всей древней истории Месопотамии, рано появившемся в Эламе (юго-западном Иране), в эллинистическую эпоху почитавшемся вплоть до отдаленной Бактрии⁶¹. Греки обычно отождествляли богиню с Артемидой. Существуют попытки современных исследователей отождествить божество этого храма с иранской Анахитой⁶², однако такую точку зрения сложно принять, поскольку речь должна идти еще не о зороастрийском, а о месопотамском культе⁶³.

Где располагался этот храм? Полибий и 1 Макк. (6:1-2) локализуют его в Элимаиде, согласно греческой географической традиции этого времени, — на северо-востоке или востоке горной долины рек Керхе и Каруны⁶⁴. Еврейская традиция — также очень ранняя и достоверная — дает понять, что речь идет о могущественном и очень известном храме⁶⁵. Греко-римская литература тоже знает в юго-западном Иране особенно популярное святилище местной богини, которую греки называли Артемидой⁶⁶. Плиний (HN.6.135) характеризует его как «самое достославное» у живущих там народов. В рассказе Страбона о завоевании Элимаиды Митридатом I сообщается сразу о двух (очевидно, очень популярных) храмах (Афины и Артемиды), захваченных парфянским царем, но огромную добычу (10

⁶¹ Beaulieu 2003, 184; Azarpay 1976, 536-542; Ambos 2003, 231-272.

⁶² Jessen 1905, 2459; Holleaux 1942, 268, not. 2; 271; Brodersen 1989, 212, Anm. 2-3.

⁶³ Boyce, Grenet 1991, 48 (хотя выше (p. 37-38) применительно к эпизоду с Антиохом IV говорят об Анахите); Ambos 2003, 253.

⁶⁴ Еврейская традиция независимыми свидетельствами, подтверждающими эту локализацию, как кажется, не располагает. По меньшей мере, в ней заметны следы некритических заимствований у греков (возможно, прямо из повествования Полибия): в частности, в названии области — Ἐλιμαΐδα, а также в его определении: «город (sic!) в Персиде» (1 Макк. 6:1).

⁶⁵ Дан. 11: 45: «И раскинет шатры дворца своего между морем и горой славы святилища («הַר הַקֹּדֶשׁ»), но придет к концу своему, и никто ему не поможет».

⁶⁶ Rostovtzeff 1941/1, 428, 436-7; Hansmann 1985, 232-235.

тысяч талантов серебром), по словам географа, Митридат взял именно в храме Артемиды (16.1.18).

К сожалению, несмотря на подчеркнутую значимость этого храма, точно локализовать его не удастся. Внимание исследователей уже давно привлекли два археологических комплекса: Барде-Нишанде и Месджеде-Солейман; приблизительно в 100 километрах на восток-юго-восток от современного Шуша (древних Суз), с оговоркой, однако, что активную религиозную жизнь Барде-Нишанде (с поклонением Ахурамазде, Митре, Анахите) работавший там археолог Роман Гиршман датировал более поздним временем (I—IV вв. н. э.)⁶⁷. На раннем этапе в Месджеде-Солейман Гиршман находит свидетельства существования македонского гарнизона и поклонения Афине Гиппии и Гераклу⁶⁸, но это лишь косвенным образом свидетельствует о местных религиозных практиках.

Зато много свидетельств могущественного храма Артемиды мы находим в Сузах. В селевкидскую и парфянскую эпохи здесь много связано с Нанайей. Так, ее имя (в том числе и как Артемиды-Нанайи) неоднократно появляется в греческих манумиссиях III-II вв. до н. э. (SEG VII. 15; 18; 22; 24). Нумизматический материал появляется позднее (начиная с I в. до н.э.). На бронзовых монетах парфянского времени Нанайю не изображают открыто, но ее можно узнать по атрибутам восточных божеств (полосу или лучевой короне), которые появляются на традиционных изображениях Артемиды⁶⁹. Поэтому, скорее всего, локализовать уникальное, по заявлениям древних авторов, святилище этой богини нужно именно в Сузах⁷⁰.

Это утверждение, на первый взгляд, противоречит данным географической традиции, которая четко разделяет Сузы с областью вокруг них (Сузианой), с одной стороны, и Элимаиду — с другой. Противоречие, однако, может оказаться мнимым. Важно заметить, что Элимаида — греческое название, восходящее к прежнему названию всей долины Керхе и Каруны, а также прилегающих горных областей — Элам⁷¹. Сузиана — греческое название, на тот момент сравнительно недавнее и, прежде всего, административного значения — зона ответственности греческого стратега с резиденцией в Сузах. Это должно означать, что в отдельных случаях понятие «Элимаида» могло включать в себя и Сузы⁷².

В середине II в. до н. э., когда Полибий работал над сочинением, появились и политические основания для того, чтобы весь регион называть Элимаидой. В Сузах, пусть ненадолго (ок. 147 — 139/8 гг. до н.э.), утвердились элимейские цари. Эти правители оказались участниками большой внешней политики того времени, их упорное противодействие экспансии парфян не осталось незамеченным античной историографией. В первой половине I в. до н. э. известна грекоязычная исто-

⁶⁷ Vanden Berghe, Schippmann 1985, 20; Potts 1999, 383-384; Ghirshman 1976, 50; 225.

⁶⁸ Ghirshman 1976, 79-80; 89; 101.

⁶⁹ Le Rider 1965, 292-296; Ambos 2003, 250-252.

⁷⁰ Tarn 1951, 464; против: Mørkholm 1966, 170.

⁷¹ Potts 1999, 375. Высказывались, впрочем, и иные возможности происхождения названия: в частности, от страны Эллипы, засвидетельствованной в горах Загра конце II — первой половине I тыс. до н. э. (Дьяконов 2008, 475).

⁷² Расположение Элимаиды по отношению к Сузиане со временем (с III в. до н.э. до III в. н. э.) меняется (обзор источников см.: Новиков 1989, 16-47). В историографии закрепился вывод о том, что это связано с действительной эволюцией политической карты региона (Kahrstedt 1950, 39-47; Le Rider 1965, 254-255; Немировский 2009, 34-59). Впрочем, существует и мнение, что оба названия были фактически тождественны (Weissbach 1905, 2458-2459).

рическая традиция, которая ставит Элимаиду (куда, очевидно, включены Сузы и Сузиана) в один ряд с другими крупными областями Переднего Востока и Ирана (Парфией, Мидией, Бактрией, Вавилонией)⁷³. Впрочем, мог ли Полибий пользоваться подобным подходом, остается неясным.

Наконец, текст Полибия в том виде, как он дошел до нас, скорее всего не может служить надежным источником данных по географии расположения святилища. Сохранившийся в сокращении византийского времени фрагмент удивительно близок тексту Иосифа Флавия (*Ant.* 12.9.1-2), а тот, в свою очередь, является почти дословным пересказом 1 Макк. (6:1-5) с вкраплением данных из Полибия. Похожесть текстов может объясняться общим первоисточником у Полибия и 1 Макк., однако более вероятным кажется другое объяснение: византийский компилятор XI в. при сокращении этого пассажа Полибия воспользовался хорошо известным ему «шаблоном» (текстами 1 Макк. и Флавия). Поэтому оригинальный текст Полибия остается для нас загадкой. Впрочем, даже несмотря на это, сомнение в том, что мегалополит локализовал святилище в Элимаиде, можно допустить лишь в одном случае — признав, что само место было неясно написано, поскольку сразу три человека, видевших текст, сходятся в такой локализации (пусть и с «подсказкой» 1 Макк.): не только Флавий и византийский компилятор, но также комментатор VI в. Иероним Стридонский (*Diod.* 31. 18a = *Hieron. Com. ad Dan.* 11:36).

В этом изначальном тексте содержались детали, которые опустил компилятор, но которые сохранила античная традиция, прежде всего об участии Антиоха IV в ритуале священного брака царя и Нанайи, как утверждает один из первоисточников 2 Макк. (1:13—16)⁷⁴. О священном браке царя с богиней упоминает и Граний Лициниан (26.8). Римский автор называет божество Дианой из Гиераполя. Возможно, автор имеет в виду богинь Бамбики в Сирии или Кастабалы в Киликии: оба города носили греческое имя Гиераполь⁷⁵. Однако не исключено, что речь идет все о том же храме, расположенном буквально в «священном городе» в Элимаиде⁷⁶. Сокровища богини (т.е. казну храма) Эпифан затребовал в качестве приданого.

⁷³ Об этом свидетельствуют данные, сохранившиеся в эпитоме Юстина (35.1.4; 41.6.8). Согласно наиболее устоявшейся в науке точке зрения, текст восходит к «Парфике» Аполлодора из Артемиды (см., например: Nikonov 1998, 107-122; не так давно были приведены доводы в пользу датировки Парфики» 91 г. до н. э. (Балахванцев 2009, 89-101)).

⁷⁴ Wikander 1946, 71-75 (однако считает, что эта богиня — Анахита); von Gall 200, 344 (усматривает отражение практики брака царя и Нанайи на одном из рельефов Танге-Сарвака (III в. н. э.), на котором изображены царь (Ород), за его спиной справа — две богини (согласно интерпретации исследователя, Артемиды-Нанайи и Афина(?)), и слева — еще одна мужская фигура; см. также: Ambos 2003, 252-253).

⁷⁵ Goosens 1943, 192-195; Mørkholm 1966, 132.

⁷⁶ Will 1982, 355; Mittag 2006, 148-151. На это указывает и композиция фрагмента: сразу за сообщением о попытке ограбления (пусть и успешной) следует рассказ о смерти царя. Сближается этот фрагмент и с текстом Аппиана (*Syr.* 66) — из обоих можно заключить, что попытка ограбления была удачной, при этом Аппиан локализует событие именно в Элимаиде (Brodersen 1989, 211-212). По всей видимости, все это — единая, восходящая к Полибию версия, которая в течение нескольких столетий обросла искажениями. Ср., например: Аппиан называет богиню не Артемидой или Нанайей, а Афродитой; не исключено, что здесь на историка повлияла современная ему информация, нашедшая отражение у Элиана, — о храме Анахиты (которую отождествляли с Афродитой) в Элимаиде (*Nat. Anim.* 12. 23).

Существуют три основных подхода к интерпретации сообщения о ритуале священного брака в этом эпизоде.

1) Высказывались сомнения в том, что ритуал вообще имел место⁷⁷. Такой подход едва ли оправдан: наши источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что некая церемония должна была состояться. Согласно традиции Полибия, все происходило при большом скоплении людей — не исключено, собравшихся на торжества⁷⁸. Вполне возможно, что речь идет о праздновании Нового года, которое в месопотамской культуре было тесно связано с ритуалами, посвященными царской власти. Еще в середине I тыс. до н. э. выходцы из юго-западного Ирана (точнее, с северо-западной окраины Элама, области Раш (Raš)), переселенные в Палестину, сохраняли представления о ритуале священного брака Нанайи с царем (P. Amherst 63)⁷⁹. Ритуал был частью празднования Нового года, который, судя по всему, приходился не на апрель (как в персидском и вавилонском календарях), а на сентябрь (как, например, в еврейском календаре)⁸⁰. Подобные календарные выкладки прекрасно ложатся на хронологию похода Антиоха IV. Царь умер поздней осенью, а история в храме Нанайи должна была происходить за несколько месяцев до этого — поздним летом или, вероятнее, ранней осенью.

2) Другой подход состоит в признании политической роли за этим ритуалом, якобы являвшимся частью местной царской идеологии.⁸¹ Однако поскольку частью церемонии стала попытка ограбления храма, едва ли всему событию стоит придавать большое политическое значение.

3) Наконец, можно признать правоту наших источников, что ритуал был лишь ширмой для изъятия храмовой казны. С этим мнением стоит согласиться, поскольку эпизод находит прямые параллели в правление Эпифана — изъятия сокровищниц Иерусалимского храма и святилища Эсагилы в Вавилоне (оба — в 169 г. до н. э.). Приглашение на празднество для Антиоха IV было очень кстати: давнее намерение (принадлежавшее еще Антиоху III) искать сокровища Ахеменидов в одной из столиц персидской династии значительно приблизилось к своей реализации. Эпифан и его окружение даже могли принимать участие в разработке концепции предстоящих торжеств.

В религиозной жизни греков ритуалы брака между божеством и смертным человеком были редкостью, однако все же существовали. Наиболее хорошо зафиксированный пример — сочетание Диониса и «царицы» (βασιλίσσα), супруги архонта-басилея, во время праздника Анфестерий в Афинах⁸². Впрочем, провозглашать свою связь с божеством или домогаться ее считалось аморальным. Так, передаваемая Феопомпом (FGH. 115. Fr. 31) история о браке, который стремился заключить с Афиной Котис I (383—358 гг. до н. э.), является, видимо, лишь

⁷⁷ Wiesehöfer 2002, 109-114.

⁷⁸ Отметим, что для Эпифана внимание к местным культовым праздникам было важной составляющей его политики. Так, царь неоднократно принимал участие в торжествах в честь Мелькарта в Тире (2 Макк. 4:18, 44; Bunge 1974, 63-66).

⁷⁹ Steiner 1991, 362-363; Beaulieu 2003, 184. Об этом папирусе IV в. до н. э. с крайне сложным для перевода арамейским текстом, записанным демотикой, см. также: Bowman 1944, 219-231.

⁸⁰ Steiner 1991, 362.

⁸¹ Wikander 1946, 71-75.

⁸² Основные источники: Arist. Ath. Pol. 3.5; Dem. LIX. 73; 75; см. также: Кереньи 2007, 194-198; Burkert 1985, 108-109.

анекдотом, призванным подчеркнуть надменность, невоздержанность к алкоголю и безудержную жестокость фракийского царя⁸³. Сенека полон сарказма, рассказывая, как афиняне посватали Афину за находившегося в городе Марка Антония, а тот согласился, потребовав взамен 1000 талантов приданого (Sen. 1.6-7). С осуждением упоминает этот эпизод и Дион Кассий (48.39.2)⁸⁴. Среди прочих бесчинств Калигулы Саллюстий пишет, как принцепс звал на свое ложе Луну (Селену, которая обычно ассоциировалась с Дианой/Артемидой) (Calig. 22).

Подобные эпизоды, впрочем, не имели под собой никакой религиозной составляющей и диктовались скорее логикой политической пропаганды, провозглашавшей эллинистических царей прямыми потомками богов⁸⁵. Неизбежно в этом ключе мы должны понимать и священный брак Эпифана с Нанайей. С позднеавиловского периода Нанайя стойко ассоциировалась с другой богиней — Ташмету, супругой бога Набу⁸⁶. В греческом понимании этот бог сближался по своим функциям с Аполлоном — согласно селевкидской пропаганде, физическим предком царственной династии. В этом смысле (если не для вавилонянина и элимея, то для эллинистического грека) Эпифан и Нанайя действительно были родственниками.

Остроумная идея потребовать храмовую казну в качестве приданого также принадлежит самому Эпифану или кому-то из его окружения. В историографии уже был подмечена двойственность культурных основ церемонии: с одной стороны местных, с другой — греческих⁸⁷. В греческом семейном праве приданое играло очень важную роль⁸⁸, в то время как для месопотамского, наоборот, важнее был вопрос о калыме⁸⁹. Так что, не исключено, храм сам ожидал свадебных подарков от царя.

То, что жрецы не принимали участия в разработке плана по изъятию сокровищ, существенно отличает случай с храмом Нанайи от двух других подобных эпизодов — в Иерусалиме и Вавилоне, и, возможно, объясняет, почему в Сузах царь не достиг успеха. Прежде Эпифан заботился о том, чтобы предварительно заручиться поддержкой части местного жречества. В Иерусалиме этому способствовала жесткая политическая борьба внутри правящей элиты. Первосвященник оказался должен царю за свое назначение значительную сумму денег и сам, если следовать 2 Макк. (5:15), передал Эпифану храмовую казну⁹⁰.

В Вавилоне изъятию части казны предшествует назначение нового главного жреца-администратора (*šatammu*), который одновременно становится поверенным царя (*zazakku*)⁹¹. Новый *šatammu* — брат предыдущего, ранее исполнявший обязанности *kabšarru* (букв.: гравировщика). Учитывая высокое происхождение этого человека, стоит полагать, что речь идет о руководящей должности, имею-

⁸³ Ср.: Kahrstedt 1922, 1552.

⁸⁴ У Климента Александрийского похожий эпизод находим с Деметрием Полиоркетом, также в Афинах. По всей видимости, это реплика истории об Антонии, навеянная чтением Плутарха: O'Sullivan 2008, 295-300.

⁸⁵ Eitrem 1932, 11-21.

⁸⁶ Beaulieu 2003, 185-186.

⁸⁷ Wikander 1976, 71-75.

⁸⁸ Modrzejewski 1981, 261-264.

⁸⁹ Oelsner, Wells, Wunsch 2003, 934.

⁹⁰ Bringmann 1983, 111-119.

⁹¹ Geller 1991, 2-4.

щей прямое отношение к храмовой казне. Обстоятельства кадровой замены не известны, но наличие политической борьбы очень вероятно⁹². Прямых указаний на то, что казна затем изымается именно в пользу царя, также нет, но едва ли стоит в этом сомневаться.

Как и в Сузах, в Иерусалиме и Вавилоне конфискации носили чрезвычайный характер⁹³. Однако контакты с храмовой администрацией (по крайней мере, в случае с Иерусалимом) у Антиоха IV были достаточно плотные и продолжительные, так что почва для конфискации была уже подготовлена. В Сузах же Антиох IV, надо полагать, не мог опереться на поддержку ни одной из группировок жрецов. При большом скоплении собравшихся на торжества людей, многие из которых могли быть вкладчиками храмовой казны⁹⁴, вся затея была обречена на провал, если, конечно, царь не намеревался совершить еще более циничный поступок — устроить бойню среди своих же подданных, на празднество которых сам явился. Антиох отступил, убедившись в авантюристичности всего начинания.

Прерванные планы восточного похода и его последствия

Авантюристичность предприятия указывает на то, насколько отчаянно Антиох IV нуждался в деньгах. Для чего? Ответ лежит на поверхности: очевидно, для продолжения восточного похода. Эта кампания волей или неволей повторяла бы экспедицию Антиоха III. И стоит обратить внимание, что в точности на той же стадии своего восточного похода и отец Эпифана был занят поисками экстраординарных доходов. Как мы уже упоминали, тогда ему удалось забрать золото и серебро из ахеменидского храма в Экбатанах и украшения из драгметаллов, оставшиеся на стенах дворца, — последний металл, 4000 талантов. Антиоху IV пришлось искать иные источники для пополнения казны.

Можем ли мы найти другие, возможно, более веские аргументы в пользу того, что Эпифан планировал продолжение похода дальше в Парфию или, по меньшей мере, в район Каспийских ворот? Ответ едва ли может быть получен при анализе данных пропаганды, поскольку едва ли пропаганда могла освещать события раньше, чем те произошли⁹⁵. Более полезными могут оказаться географические соображения по поводу дороги, избранной царем для возвращения из своего персидского похода. От Суз царь повернул не на запад, направившись по хорошо известной дороге на Вавилон⁹⁶, а обратно на восток, в Габы. Город располагался

⁹² Здесь стоит опять обратиться к параллелям из иудейской истории. Там храмовый чиновник, в ведение которого, очевидно, входил надсмотр за казной святилища (Симон), одно время возглавлял самую непримиримую оппозицию действовавшему первосвященнику (2 Макк. 3:4-6).

⁹³ Очевидно, для финансирования военных кампаний в Египте, т.н. VI Сирийской войны (170-169 и 168 гг. до н.э.).

⁹⁴ Ср.: Иерусалимский храм — 2 Макк. 4:10; Bickerman 1980, 167-170). О депозитах в греческих храмах см.: Dignas 2002, 24-25.

⁹⁵ Анализ свидетельств (OGIS.253, где царь назван «спасителем Азии», печать из Урука и монеты из Суз, где он предстает в скальпе слона), их критику и литературу см.: Mittag 2006, 322-323.

⁹⁶ Дорога, соединявшая Вавилон (а позднее — Селевкию-на-Тигре) с Сузами, лежала через Артемиту и Ситтакену (Аполлониатиду), т.е. вначале на восток, а затем вдоль юго-западного склона Загра. По этому пути шли войска Александра (Curt. 5.1. 40-42; 5.2. 1-7; Diod. 17. 65), хорошо известна эта дорога была Страбону (16.1.17). Кроме нее существовал и водный путь, соединявший Вавилонию и Сузиану, которым еще в персидское время активно пользовались купцы (Briant 1996, 394).

на важной дороге, соединявшей Экбатаны и Персеполь (ср.: Curt. 5.13.1), и, надо полагать, из Габ Эпифан намеревался повернуть на север — в столицу Мидии (ср.: 2 Макк. 9:3). Экбатаны, как уже упоминалось, играли роль плацдарма для дальнейшего движения на восток. Т.о., на следующий год (163 г. до н. э.) царь не собирался возвращаться в Сирию, а планировал кампанию в Парфии, намереваясь хотя бы отчасти повторить успех отца. Подобные планы не выглядят чрезмерно самонадеянными: у Антиоха IV был прочный западный тыл, а селевкидские войска по боевым качествам в открытых сражениях и позднее (при Деметрии II и Антиохе VII) заметно превосходили парфян, неизменно добиваясь успеха в открытых сражениях.

Эпифан не сумел достать денег на предстоящую кампанию, но это не было поводом для ее отмены. Вспомним опыт Антиоха III. Получив в Экбатанах огромную сумму, царь не спешил сразу перечеканить все это в монету — существенного роста активности монетного двора в городе мы не отмечаем⁹⁷. Значит, эти средства не предназначались для того, чтобы на месте восполнить имеющийся дефицит. В таком случае речь идет о средствах, что называется, на перспективу: компенсировать возможные неудачи похода и не допустить мятежа войска или просто чтобы придать решимости воинам продолжать поход. Очевидно, подобные цели преследовал на сходном этапе восточного похода и Антиох IV.

Впрочем, эпизод с храмовой казной сильно подорвал авторитет царя. Об этом можно судить по деталям, которые сопровождают сообщение о его смерти. Ночные кошмары, помутнение рассудка, предположения о мести богини — эти подробности, как кажется, излишне выпячены в тексте, им уделяется слишком много внимания. Безусловно, во многом это «заслуга» главного информатора Полибия — царевича Деметрия (будущего Деметрия I), но едва ли сам царевич мог выдумать все эти подробности. На запад они попали только с теми, кто участвовал в самом походе, и выражают их настроения. На последнем этапе экспедиции особое влияние в войске приобрел высокопоставленный придворный, «однокашник» царя Филипп⁹⁸. На смертном одре царь назначает его не только командующим экспедиционной армией, но и новым регентом малолетнего царя Антиоха V, который находился в столице под защитой еще одной армии под опекой другого регента — Лисия (1 Макк. 3:32-34). Никто не попытался переубедить царя или оспорить решение, чреватое смутой (ср.: 1 Макк. 6:63; Jos. Ant. 12.9.6 (379-381); 2 Макк. 9:28-29). Т.о., нельзя исключать, что потерявший популярность царь стал жертвой заговора, однако никакими даже косвенными данными на этот счет мы не располагаем⁹⁹.

Каковы же итоги восточного похода Антиоха IV? Успешность кампания находилась в обратной зависимости от удаленности места действия, еще раз свидетельствуя, насколько важным фактором в жизни державы Селевкидов были расстояния. Эпифану удалось вернуть традиционное влияние Селевкидского государства в Армении. В историографии высказывались мнения, что речь могла

⁹⁷ Houghton, Lorber, Kritt 2002/1, 357.

⁹⁸ Savalli-Lestrade 1998, 61-62 (№59).

⁹⁹ В отечественной историографии была сделана попытка связать с этим событием надписи из Армавира (Армения), в одной из которых сообщается о гибели царя от рук воинов: Болтунова 1942, 46; 50-54. Бокшанин 1960, 236. Резонно против: Манандян 1946, 55-57; Тревер 1953, 142-147.

идти как об агрессии¹⁰⁰, так и об оборонительных по сути своей действиях селевкидского царя¹⁰¹. Но в целом важно отметить преемственность политики Антиоха IV и его отца Антиоха III в отношениях со здешними пограничными династиями¹⁰². В жизни Персиды поход, по-видимому, не сыграл заметной роли. Греческой администрации там уже не существовало. Узурпатор Тимарх, восставший против Деметрия I в 162 г. до н. э., очевидно, занимавший пост наместника в «верхних» сатрапиях, куда прежде входила и Персида, неофициально зовется лишь сатрапом Мидии (Diod.31.27a). Что касается Бактрии и Парфии, мы не можем сказать, насколько эффективно очередной достаточно редкий поход туда мог бы сдерживать угрожающие для Селевкидов масштабы местного государственного строительства

Заметный след оставила история с попыткой ограбления храма Артемиды. В древности эпизод был популярен у авторов, копировался и рекомбинировался многократно. Оба эпизода — с участием Антиоха III и Антиоха IV, — как кажется, прочно закрепились и в идеологической жизни региона. По крайней мере, когда Митридат I захватил Сузы, парфянский царь не только довершил начатое — ограбил храм, но и использовали это событие в пропагандистских целях, распространив весть, что его достоянием стали 10 тысяч талантов серебра, принадлежавших богине (Strabo 16.1.18). На этом фоне неслучайным кажется и то, что имя элимейских царей, правивших в регионе в короткий период между Селевкидами и парфянами, — Камнискир — удивительно созвучно титулу кар-nu-iš-ki-ra (казначей, хранитель казны), известному в Эламе в персидскую эпоху¹⁰³.

ЛИТЕРАТУРА

Балахванцев А. С. 2003: Старая Ниса: хронология и интерпретация // Центральная Азия. Источники, история, культура. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Е. А. Давидович, Б. А. Литвинского, Москва, 3–5 апреля 2003 г. М., 172–191.

Балахванцев А. С. 2009: К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения «Парфики» Аполлодора Артемидского // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 89–101.

Бартольд В. В. 1903: Историко-географический обзор Ирана. СПб.

Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.

Болтунова А. И. 1942: Греческие надписи Армавира // Известия армянского филиала Академии наук СССР. 1-2 (15-16), 35–61.

Бокщанин А. Г. 1960: Парфия и Рим: возникновение системы политического дуализма на Востоке. Т. 1. М.

Гаиров В. Г., Кошеленко Г. А., Сердитых З. В. 1992: Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад. М., 10–58.

Дьяконов И. М., Якобсон В. А., Янковская Н. Б. 2002: Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма // История Востока: в 6 т. Т. 1: Восток в древности. М., 530–542.

Дьяконов И. М. 2008: История Мидии. М.

¹⁰⁰ Mørkholm 1966, 167.

¹⁰¹ Patterson 2001, 159.

¹⁰² Mittag 2006, 297–298.

¹⁰³ В науке было высказано остроумное предположение (которое, к сожалению, невозможно еще чем-либо подтвердить), что речь может идти о казначее храма Бела, который пытался ограбить Антиох III: Harmatta 1981, 209; Vanden Berghe, Schippmann 1985, 15.

- Кереньи К.* 2007: Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни. М.
- Кошеленко Г.А.* 1971: Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // *Истории Иранского государств и культуры* (к 2500-летию Иранского государства). М., 212-218.
- Кошеленко Г.А.* 1972: Монетное дело Парфии при Митридатe I // *Нумизматика и эпиграфика*. 10, 79-102.
- Кошеленко Г.А.* 1979: Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
- Кошеленко Г.А.* 2006: Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке // *РА*. 3, 95-105.
- Кошеленко Г.А.* 2008: Монеты первых парфянских царей // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. М., 138-140.
- Манандян Я.А.* 1946: Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван.
- Немировский А.А.* 2009: Юго-Западный Иран эллинистическо-парфянской эпохи в античных источниках и наследие Элама: некоторые вопросы исторической географии // *Studia historica*. 9, 34-59.
- Новиков С.В.* 1989: Юго-Западный Иран античное время (от Александра Македонского до Ардашира I). М.
- Пьянков И.В.* 1997: Средняя Азия в античной географической традиции. М.
- Тирациян Г.А.* 1985: Армения в III-I вв. до н.э. // *Археология СССР с древнейших времен до наших дней: в 20 тт. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М., 60-68.
- Тревер К.В.* 1953: Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э.-IV в. н.э.). М.; Л.
- Фрай Р. Н.* 1962: Наследие Ирана. М.
- Afram M.* 1986: *Nomina propria iranica in nummis*. Wien.
- Altheim F.* 1948: *Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter*. Halle.
- Ambos C.* 2003: Nanaja — eine ikonographische Studie zur Darstellung einer altorientalischen Göttin in hellenistisch-parthischer Zeit // *Zeitschrift für Assyriologie*. 93, 231-272.
- Azarpay G.* 1976: Nanâ, the Sumero-Akkadian Goddess of Transoxiana // *JAOS*. 96. 4, 536-542.
- Bar-Kochva B.* 1976: *The Seleucid army: Organization and tactics in the great campaigns*. Cambridge.
- Bar-Kochva B.* 1989: *Judas Maccabaeus. The Jewish struggle against the Seleucids*. Cambridge.
- Bartlett J. R.* 1973: *The First and Second Books of the Maccabees*. Cambridge.
- Beaulieu P.-A.* 2003: *The Pantheon of Uruk during the Neo-Babylonian period*. Leiden; Boston.
- Bellinger A.R.* 1942: Hyspaosines of Charax // *YCS*. 8, 51-67.
- Bevan R.* 1902: *The house of Seleucus*. Vol. 1-2. L.
- Bickerman E.* 1980: Heliodore au temple de Jerusalem // *Studies in Jewish and Christian History*. Vol. 2. Leiden, 159-191.
- Bouché-Leclercq A.* 1913-1914: *Histoire des Séleucides*. T. 1-2. Paris.
- Boyce M., Grenet F.* 1991: *A history of Zoroastrianism 3: Zoroastrianism under Macedonian and Roman rule*. Leiden.
- Bowman R.A.* 1944: An Aramaic Religious Text in Demotic Script // *JNES*. 3.4, 219-231.
- Briant P.* 1996: *Histoire de l'empire perse de Cyrus à Alexandre*. Paris.
- Bringmann K.* 1983: *Hellenistische Reform und Religionsverfolgung in Judäa. Eine Untersuchung zur jüdisch-hellenistischen Geschichte (175-163 v. Chr.)*. Göttingen.
- Brodersen K.* 1989: *Appians Abriss der Seleukidengeschichte (Syriake 45.232-70.369)*. München.
- Bunge J.G.* 1974: "Theos Epiphanes" in den ersten fünf Regierungsjahren des Antiochos IV. Epiphanes // *Historia*. 23, 57-85.

- Bunge J.G.* 1975: Antiochos Helios: Methoden und Ergebnisse der Reichspolitik Antiochos' IV. Epiphanes von Syrien im Spiegel seiner Münzen // *Historia*. 24, 164-188.
- Bunge J.G.* 1976: Die Feiern Antiochos' IV in Daphne im Herbst 166 v. Chr. // *Chiron*. 6, 53-72.
- Burkert W.* 1985: *Greek religion: archaic and classical*. Oxford.
- Chaumont M.-L.* 1993: Fondations séleucides en Arménie méridionale // *Syria*. 70. 3-4, 431-441.
- Dignas B.* 2002: *Economy of the Sacred in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford.
- Eitrem S.* 1932: Zur Apotheose IV: Das heilige Ehe // *Symbolae Osloenses*. 9, 11-21.
- Frye R.N.* 1983: *The history of ancient Iran*. Muenchen.
- Hansmann J.* 1985: The great gods of Elymais // *Papers in honour of Professor M. Boyce*. Leiden, 229-246.
- Harmatta J.* 1981: Parthia and Elymais in the 2nd century BC // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 29, 189-217.
- Holleaux M.* 1942: La mort d'Antiochos IV Épiphane // *Études d'épigraphie et d'histoire grecques III*. Paris, 255-279.
- Hollis A.S.* 1996: Laodice mother of Eucratides of Bactria // *ZPE*. 110, 161-164.
- Houghton A., Lorber C., Kritt B.* 2002: *A Comprehensive Catalogue of Seleucid Coins. Part I: Seleucus I — Antiochus III*. New York; Lancaster.
- Houghton A., Lorber C., Hoover O.D.* 2008: *A Comprehensive Catalogue of Seleucid Coins. Part II: Seleucus IV — Antiochus XIII*. New York; Lancaster.
- Geller M. J.* 1991: New information on Antiochus IV from Babylonian astronomical diaries // *BSOAS*. 54, 1-4.
- Gera D., Horowitz W.* 1997: Antiochus IV in life and death: evidence from the Babylonian astronomical diaries // *JAOS*. 117. 2, 240-252.
- Ghirshman R.* 1976: Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. P.
- Goosens G.* 1943: *Hierapolis de Syrie*. Louvains.
- Green P.* 1990: *Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age*. London; Berkeley; Los Angeles.
- Jessen S.O.* 1905: Elymaia // *RE²*. Hbbd. 10, 2459.
- Kahrstedt U.* 1922: Kotys (1) // *RE²*. Bd. 11, 1551-1552.
- Kahrstedt U.* 1950: *Artabanos III. und seine Erben*. Bern.
- Koch H.* 1988: Herrscher in der Persis unter Seleukiden und Parthern // *Welt des Orients*. 19, 84-95.
- Le Rider G.* 1965: *Suse sous les Séleucides et les parthes*. Paris.
- Le Rider G.* 1965a: Un atelier monétaire séleucide dans la province de la Mer Erythrée? // *RN*. 7, 36-43.
- Le Rider G.* 1969: Monnaies grecques récemment acquises par le Cabinet de Paris // *RN*. 11, 7-27.
- Le Rider G.* 1994: Antiochos IV (175-164) et le monnayage de bronze séleucide // *BCH*. 118. 1, 17-34.
- Mittag P.F.* 2006: *Antiochos IV Epiphanes. Eine politische Biographie*. Berlin.
- Modrzejewski J. M.* 1981: La structure juridique du mariage grec // *Scritti in onore di Orsolina Montevicchi*. Bologna, 231-268.
- Mørkholm O.* 1966: *Antiochus IV*. Copenhagen.
- Mørkholm O.* 1970: The Seleucid mint at Antiochia on the Persian Gulf // *ANSMN*. 16, 31-45.
- Mørkholm O.* 1979: New coin finds from Failaka // *Kuml*, 219-236.
- Narain A.K.* 1958: *The Indo-Greeks*. Oxford.
- Newell E.T.* 1938: *The Coinage of the Eastern Seleucid Mints*. New York.

- Nikonorov N.P.* 1998: Apollodorus of Artemita and the date of his 'Parthica' revisited // Ancient Iran and the Mediterranean world. Kraków, 107-122.
- Oelsner J., Wells B., Wunsch C.* 2003: The Neo-Babylonian period // A history of Ancient Near Eastern Law. Brill; Leiden; Boston, 911-974.
- O'Sullivan L.* 2008: Marrying Athena: A Note on Clement "Protrepticus" 4.54 // CJ. 103. 3, 295-300.
- Patterson L.* 2001: Rome's relationship with Artaxias I of Armenia // The Ancient History Bulletin. 15. 4, 154-162.
- Potts D.T.* 1990-1991: The Arabian Gulf in Antiquity. Vol. 112. Oxford.
- Potts D.T.* 1999: Archeology of Elam. Cambridge.
- Préaux Cl.* 1978: Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquête romaine de la Grèce (323–146 av. J.-C.). T. 1. P.
- Roueché C., Sherwin-White S.* 1985: Some aspects of the Seleucid empire: the Greeks from Failaka and the Persian Gulf // Chiron. 15, 1-39.
- Robert L.* 1967: Encore une inscription grecque de l'Iran // CRAI. 111. 2, 281-297.
- Rostovtzeff M.I.* 1941: The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1-3. Oxford.
- Sachs A.J., Wiseman D.J.* 1954: A Babylonian king list of Hellenistic period // Iraq. 16, 202-211.
- Savalli-Lestrade I.* 1998: Les «philoi» royaux dans l'Asie hellénistique. Genève.
- Sherwin-White S., Kuhrt A.* 1993: From Samarkhand to Sardis. Berkeley.
- Steiner R.C.* 1991: Aramaic Text in Demotic Script: The Liturgy of a New Year's Festival Imported from Bethel to Syene by Exiles from Rash // JAOS. 111, 362-363.
- Stiel R.* 1959: Chronologie der frätadāra' // Geschichte der Hunnen. Bd.1. Berlin, 375-379
- Streck M.* 1903: Arkesikerta // RE². Suppl. 1, 137.
- Schuol M.* 2000: Die Charakene. Ein mesopotamisches Königreich in hellenistisch-parthischer Zeit. Stuttgart
- Tarn. W.W.* 1930: Seleucid-Parthian Studies // Proceedings of the British Academy. 16, 122-126.
- Tomaschek W.* 1899: Charax (9) // RE². Hbbd. 6, 2121-2122.
- Tracy St. V. Habicht Ch.* 1991: New and old Panathenaic victor lists // Hesperia. 60. 2, 187-236.
- Tscherikower V.* 1927: Die hellenistische Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf Römerzeit. Leipzig.
- Vanden Berghe L., Schippmann K.* 1985: Les reliefs rupestres d'Elymaïde (Iran) de l'époque parthe. Gent.
- van der Spek R.J.* 1993: Astronomical diaries as a source for Achaemenid and Seleucid history // Bibliotheca Orientalis. 50. 1/2, 91-101.
- von Gall H.* 2000: Das parthische Felsheiligtum von Tang-e Sarwak in der Elymais (Khuzestan). Neue Beobachtungen und Forschungsergebnisse // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 32, 319-359.
- von Sallet A.* 1879: Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Baktrien und Indien. Berlin,
- Weissbach F. H.* 1932: Tabai (4) // RE². 2 Reihe. Bd. 4, 1841.
- Weissbach F. H.* 1905: Elymais (1) // RE². Hbbd. 10, 2458-2467.
- Weissbach F. H.* 1910: Γάβα // RE². Hbbd. 13, 411.
- Wiesehöfer J.* 1987: Die „dunklen Jahrhunderte“ der Persis. Untersuchungen zu Geschichte und Kultur von Fārs in frühhellenistischer Zeit (330–140 v. Chr.). München.
- Wiesehöfer J.* 2002: Συνοικησις und ἁπωρία χρημάτων. Antiochos IV. und die Heiligtümer der Elymais // Widerstand — Anpassung — Integration. Die griechische Staatenwelt und Rom. Festschrift für Jürgen Deininger zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 109-120.

Wikander S. 1946: Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund.

Will É. 1982: Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. 2. Nancy.

Wolski J. 1999: The Seleucids. The decline and fall of their Empire. Kraków.

EASTERN CAMPAIGNS BY ANTIOCHUS IV EPIPHANES (165-164 BC): INTERRUPTED MARCH

A. S. Anokhin, S. V. Novikov

The paper is dedicated to the reexamining of the sources concerning the eastern campaign of the Syrian King Antiochus IV Epiphanes in 165-164 BC. The authors conclude that the campaign (like the same undertakings of Antiochus' predecessors — Seleucus II and Antiochus III — were supposed to strengthen the positions of the Seleucid state in Central Asia (Parthia) but due to the king's sudden death was interrupted at the early stage. The work also revealed new details of the most remarkable episode of the expedition — a failed robbery attempt of the temple of Artemis-Nanaya in Susa.

Key words: Antiochus IV Epiphanes, Seleucus II, Central Asia, Parthia, Nanaya, Susa

© 2015

А. Б. Никитин

К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В МЕРВЕ

Вполне возможно, что христиане впервые появились в Мерве, столице Северного Хорасана, уже в конце I — начале II в. н.э. Распространение христианства на восток было тесно связано с развитием международной торговли. Мерв, важный центр культуры и торговли, играл заметную роль в распространении христианства в восточные земли. Следует, однако, различать легендарную и аутентичную традиции, касающиеся основания местных христианских общин. Средневековые христианские хронографы, как правило, были склонны к удревнению истории некоторых известных общин, возводя их происхождение к апостолам, если не к самому Иисусу. Характерным примером является История Бар Шаббы, основателя христианской общины Мерва. Епископ Бар Шабба служил в Мерве в конце IV в. н.э., в царствование Шапура II. Успех его миссии подтверждается археологическими данными (при Йездигирде I, в 399-420 гг. н.э., в Мерве даже чеканились бронзовые монеты с изображением креста). В более поздней традиции, он стал ассоциироваться с Шапуром I (III в.), и история христианского Мерва приобрела все свойства легенды.

Ключевые слова: Мерв, христианство, миссионеры, Бар Шабба

В 1994 г., двадцать лет назад, появились две публикации, в которых были введены в научный оборот новые материалы, касающиеся истории христианства в Средней Азии. Первая из них — «Древний Мерв в свидетельствах письменных

Никитин Александр Борисович — старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа. E-mail: enoth@rambler.ru